

89-е лето, 3-й день Силантдар

Солнце, медленно поднимающееся над горизонтом, застало трупы инквизиторов, сваленные на погребальный костёр. Роберт стоял чуть поодаль и наблюдал, как отец Игнациус ознаменовал полумесяцем мертвецов и отдал приказ разжечь огонь. Взгляд немолодого, пухлого держателя монастыря упал на Роберта. В карих глазах читалось сопереживание.

— Мне сказали, ты покидаешь монастырь? — произнёс Игнациус, подойдя ближе.

— Да, — ледяным голосом ответил Роберт. — Нет смысла здесь задерживаться. К тому же, меня ждут.

— Ах да, — понимающе кивнул отец, — твоя супруга...

— Мы никогда не были женаты. Но я не о ней.

Игнациус вмиг переменялся и со страхом в голосе взмолился:

— Прощу, Роберт, отрекись от этого! Ты не ведаешь, что собираешься сотворить.

— Всё решено, отец.

— Но...

— Нет смысла отговаривать. Если я не ударю в ответ, инквизиторы вновь нагрянут сюда. В следующий раз они никого не пощадят.

Игнациус хотел было возразить, но глядя в холодные голубые глаза Роберта замолк, подыскивая правильные слова:

— Пожалуй, ты прав, — наконец согласился он, — Но будь осторожен, вместе с инквизицией изменился и мир. Я знаю, что ты в курсе всех событий, но кем буду я, если не попытаюсь хоть чем-то помочь тебе?

— Просто воздайте за меня богам, отец, — поклонился Роберт, не отводя взгляд от пылающего костра.

Наконец к ним подошёл Дейл, он держал за поводья двух коней. Следом за ними показался и Барт — молодой монах, пришедший совсем недавно в монастырь, однако вызвавшийся помочь в священном походе.

— Выдвигаемся? — спросил Дейл.

Роберт молча кивнул.

\*\*\*

Только скрылись Роберт и его спутники за углом монастыря, добродушное лицо Игнациуса переменялось. Отчуждённый взгляд окинул костёр и столпившихся рядом монахов. Отец развернулся на пятках и зашагал ко входу в здание, сложив за спиной руки в замок. Пройдя по коридорам монастыря, он завернул к внутреннему саду, посреди которого возвышался леад — белоствольное дерево, привезённое из Изумрудного леса. Не доходя до выхода во двор, Игнациус направился к тупику коридора.

Оказавшись у стены, он провёл магическую серебристую нить от выступавших кирпичей и прошептал заклинание на загробном языке. Стена содрогнулась, но в тот же миг сдвинулась с места, открывая проход в тёмную комнату. Игнациус хлопнул в ладони — загорелись свечи в канделябрах, освещая десятиугольник, нарисованный по центру комнаты. Внутри фигуры расположился треугольник и посреди чаша на высокой подставке, наполненная чёрной вязкой жидкостью.

Игнациус вошёл в комнату, проход с треском закрылся. Подойдя к чаше, мужчина провёл по глади чёрной жидкости указательным пальцем и вновь прошептал заклинание. Гладь колыхнулась, обращаясь тёмным облаком.

— Я слушаю тебя, — по комнате разнёсся рокочущий голос.

— Приветствую тебя, темнейший, — упав на колени, проговорил Игнациус, свечи озарили все мрачные стороны его маски «монаха». — Всё идёт по плану. Роберт выполнит своё назначение, как ты и пророчил.

— Хорошо, — голос стал несколько мягче и снисходительнее, — Вы поставили за ним слежку?

— Да, темнейший, — улыбнулся Игнациус, — он даже не догадывается, что за ним следят.

— Великолепно! — воскликнуло облако, — А теперь мне нужно отлучиться!

— Но темнейший! — вскрикнул отец, — Моя миссия выполнена, могу ли я вернуться обратно?

— Нет, — мгновение помолчав, бросило облако, — Ты ещё не до конца исполнил свою роль.

\*\*\*

Съехав по высокому холму вниз к мощёной дороге, Роберт направил процессию глубоко в лес, сокращая путь к Веднусу. Дейл, а тем более Барт, не сказали и слова, подчиняясь своему командиру, который был лишь рад собственному положению. Лишние вопросы сейчас могли вывести его из себя.

Ехали они рысью, объезжая высокие сосны. Корни и кусты так и тянулись к копытам коней, а низко опущенные ветви хлестали по лицу заезжавшихся путников. Роберт смотрел по сторонам: на речушки и небольшие родники, на синие и тёмно-алые ягоды сосенника и хоробрита, на лесные цветы, что пестрили на лугах, высыпав словно грибы после дождя. Роберт слушал пение птиц и скрежетание неизвестных насекомых, перемешивавшийся с шелестом ветра. Похоже, лишь за красотой природы он скучал, лишь ею вдохновлялся. Только её защищал, воспринимая окружающее, как вечный храм, дающий жизнь всему на свете. Ведь не зря

агрукки, что живут в своих степях далеко за стенами города-крепости Изорана, всё рвутся вглубь Велатиона. Не зря велись войны с великанами и погибали храбрые мужи, идущие из замерзающего севера на плодородный юг.

— Роберт, — вдруг нарушил тишину Барт, говорил он тихо, словно страхась нарушать спокойствие леса, — мне Дейл много о тебе рассказывал. Но, к сожалению, часто поверхностно. А меня всё волнует вопрос, как ты смог одолеть того демона — принца Преисподней?

— Не произноси этого титула при мне, — вдруг обернулся Роберт, в глазах читалась злость. — Эта тварь уничтожила отряд инквизиторов под моим командованием. Он вырезал целую роту императора Нурмира и гномий наёмнический взвод. Как думаешь, почему я не говорю об этом и тем более, не разбазариваю направо и налево, каким образом я смог одолеть это чудовище?!

— Я же сказал тебе! — всплеснул руками Дейл, разочарованно глядя на молодого монаха.

— Ну, а что? — вмиг покраснел он, — За вопрос шкуру не сдирают! Или это не тот случай?

— Барт, — неожиданно спокойным голосом произнёс Роберт, — ты юн и хочешь много знать... Я понимаю это. Но скажи, что тебе даст это знание? Чувство удовлетворённости собственного любопытства? Либо какое-то высокое знание? Как по мне, что одно, что другое — не столь важно, дабы тревожить мою память... — вздохнул под конец он.

Барт задумчиво опустил глаза, но больше не задавал вопросов. Роберт же обречённо взглянул на солнце, медленно клонящееся к горизонту. Он предложил спутникам остановиться ненадолго у звонкой речушки и набрать воды в бурдюки.

Привязав скакунов к соснам, монахи разошлись по своим делам. Роберт и Барт пошли набирать воду, а Дейл остался возле коней разводить костёр. Роберт медленно шёл по шуршащим иголкам, оглядывая бор, будто царь. Закрыв глаза и глубоко вдыхая свежий запах смолы, он вскоре смог очистить разум от тех тяжёлых воспоминаний, что прятались глубоко-глубоко днём и всплывали вновь и вновь по ночам. А ещё этот запах перебивал вонь конского дерьма.

— Так ты раньше пастухом был? — поинтересовался Роберт, раскрыв глаза.

— Да... — протянул Барт, смущённо почесав затылок.

— Почему так неуверенно?

— Раньше никто не интересовался моей жизнью, — пожал плечами монах, углубляя бурдюк в реку, — Впрочем, моя жизнь не столь интересна, как твоя.

— Моя жизнь — пекло, — горько улыбнулся Роберт, смахивая с лица выпавшую прядь, — Лучше уж быть пастухом. Всё так беззаботно... ай, ну его! Как ты попал в монастырь?

— Я отказался воевать за интересы совета при императоре, — складывая в походную сумку очередной бурдюк, сказал Барт, — Мне пригрозили казнью, но я слишком низкого происхождения, чтобы заморачиваться на мой счёт, вытягивая из застенка монастыря. Лишь потому я стал монахом...

— Это ты о восстании говоришь? Мол интересы совета?

— Совершенно верно. Ну не хочу я братьев своих убивать! Ладно бы отправили в Изоран, так

там хоть агрукки — не нашего роду твари. Таких убивать не жалко...

Роберт усмехнулся. Он положил последний бурдюк с водой в сумку и уселся на крупный булыжник, сковыривая пальцем мох.

— Ты же недавно в монастыре, расскажи мне подробнее, что же на самом деле творилось в мире. Ибо то, о чём я слышал, можно смело отнести к слухам и домыслам.

— Ничего хорошего не творилось. Особенно после твоего ухода в монастырь. Демон пал, черти скрылись в преисподней и вроде бы должно всё налаживаться, но пошло всё дальше — коту под хвост. Я тогда ещё ребёнком был, но помню, как отец ругался, да и внимательный я, а потому всё впитывал в себя.

Первые пять лет шла перестройка — мир, который мы знали, рухнул вместе с приходом демонов. Император всё старался вывести государство из упадка, а после, в лето семьдесят четвёртое сильно заболел. Пару лет он мучился тяжёлой неизлечимой хворью, а регент занимался всеми делами сам, покуда в семьдесят шестое Нурмир не пришёл в себя. Как ни странно, но вернувшись к престолу, он в то же лето и помер не понять от чего...

— Ушла в прошлое целая эпоха империи, — покачал головой Роберт.

— Именно! — воскликнул Барт, — На трон взошёл его приёмный сын, а род Первых, что правил Дорассом от Рагнара Бурого — извёлся. Но это было лишь началом чего-то ужасного. Бортран — новоиспечённый император, тут же прогнулся под совет, а великий инквизитор занял пост первого советника.

— Странно, — хмыкнул Роберт.

— Всем хочется места под солнцем, даже таким скурвившимся тварям, как инквизиторы. Тут-то вся инквизиция и обрела полную власть, начав беспредел. К слову, обострение на границе с Террией — великого инквизитора рук дело, хоть это и не понравилось большинству дворян. Чую, зреет государственный переворот...

— Откуда тебе знать?

— Это, конечно, слухи, но уж больно правдивы, если рассматривать происходящее.

Барт замолчал, уткнувшись взглядом в определённую точку. Молчал и Роберт, наблюдая за белкой, чей пушистый рыжий хвост всё перелетал с сосны на сосну. После он глянул на темнеющее небо.

— Идём, — властно произнёс Роберт, — Дейл, наверное, нас заждался. Да и четверть часа как пахнет вареной курятиной.

Они прошли мимо сосенок и вскоре вышли к небольшому островку среди деревьев, где сидел Дейл. Он тщательно перемешивал кипящую жидкость, подсыпая пряности.

— Пир на весь мир? — улыбнулся Роберт, усаживаясь рядом.

— Хороший обед... эм, ужин — залог доброго настроения на оставшийся день! — потёр руки Дейл, рассыпая по деревянным тарелкам еду.

Монахи принялись кушать. Какое-то время клёкот боровика заглушал чавканье голодных ртов,

покуда не пробило ровно семь вечера. Первым доел Барт. Взгляд ненасытного юноши жадно скользнул в казан, но тут же разочарованно опустился на пустую тарелку. Что же, молодой, растущий организм требовал ещё, однако подобное расточительство в начале похода чревато голоданием всего отряда.

Наконец доели и остальные. Быстро оседлав коней до заката, они вновь поехали вперёд по одному лишь Роберту известному пути. Ехали медленно, но, когда солнце наполовину скрылось за горизонт, впереди показался предел лесного чертога. Впереди виднелись серые высокие стены, а также стал доноситься отдалённый набат колоколов.

Роберт слегка пришпорил коня, и, когда оказался на опушке леса, обнаружил, что некогда живой тракт, ведущий к Веднусу, был пуст. А стены города, что расположился чуть ниже, местами покрылись трещинами. Даже на башнях кое-где обвалилась крыша. По укреплениям лениво передвигались инквизиторы, изредка поглядывавшие на заходящее солнце.

— Колокола? — удивился Роберт, — Не может быть! Похоже, посланец не туда донёс послание!

— Не думаю, — сощутив глаза, произнёс Дейл, — Ждали бы тебя, на распашку ворота не стояли. Да и стражников маловато.

— Нет-нет, — отрицательно взмахнул лысой головой Барт, — Так колокола играют, когда на казнь готовят «ведьму».

\*\*\*

Ведьмы, войны, смерти... Как глупы эти люди! Почему свою правоту нужно доказывать силой? Неужто недостаточно той правды, что ты несёшь по жизни? Хотя кому нужна та правда, если за тобой стоит умелый кукловод? В его руках вся неправда обретёт обратную суть, а правда станет злейшей ложью, и что самое страшное — в это будут верить без оговорок!

Странно ещё то, что я не могу прочесть мысли этих монахов, над ними, словно купол, повис непроницаемый барьер, мешающий моему глубокому взору проследить ход следующих событий. Это заставляет гореть от нетерпения даже меня! Впрочем, о каком «меня» я говорю?